

Зиневич Алла Николаевна

**История и культура Древней Руси в жизни и творчестве
Максимилиана Волошина**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2015

Работа выполнена в отделе новой литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Научный руководитель: академик
Александр Васильевич Лавров,
заведующий отделом новой литературы ИРЛИ РАН

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Юрий Борисович Орлицкий
(ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», учебно-научная лаборатория мандельштамоведения Института филологии и истории, ведущий научный сотрудник)
доктор филологических наук, профессор
Рождественская Милена Всеволодовна
(ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра истории русской литературы, профессор)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Защита состоится «_» _____ 2015 года в ____ часов на заседании совета Д.002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан «_» _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

В жизни и творчестве Максимилиана Волошина (1877–1932) особое место занимали сюжеты, связанные с историей, литературой и искусством Руси. Поэт и мыслитель искал ответы на вопросы современности, перелагая в стихотворную форму произведения древнерусской литературы (в частности, «Написание о царях московских» И. М. Катырева–Ростовского и «Житие протопопа Аввакума»), интересуясь деятелями XVII века («бунташного», переходного от Древней Руси к России Нового времени), рассуждая об иконах.

Степень разработанности проблемы. Раз в два года в Коктебеле в Доме–музее М. Волошина проходит международная конференция, посвященная его творческому наследию. Продолжает осуществляться издание Собрания сочинений поэта, в котором широко используются материалы архивного фонда Волошина в ИРЛИ РАН (Ф. 562). Выпущен серия книг «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия» и том в «Библиотеке поэта». В. П. Купченко создал «Летопись жизни и творчества Волошина» в двух частях. Волошину посвящена книга С. М. Пинаева в серии ЖЗЛ. Также издан ряд воспоминаний о поэте, в том числе воспоминания его вдовы, частично напечатаны записные книжки и юношеские произведения. Обращение Волошина к иконописи освещено в статьях В. В. Лепехина, А. В. Лаврова, М. В. Рождественской. О Волошине и старообрядцах писали А. И. Мазунин и Р. Ю. Кучинский. Теме «Волошин и русская история» посвящена работа О. Ф. Коноваловой ««Написание о царях московских» И. М. Катырева–Ростовского в переложении М. А. Волошина». Историософию поэта интерпретировали Л. А. Озеров и Е. Г. Эткинд, а мотив огня в поэзии Волошина – Е. С. Янова.

Данное исследование опирается на два типа источников: печатные (художественные произведения и публицистические работы Максимилиана Волошина, тексты древнерусской литературы, работы историков) и архивные

(черновые варианты произведений Волошина, переписка его с историком С. Ф. Платоновым, искусствоведом А. И. Анисимовым и другими).

Объект исследования в диссертации — произведения (в соотношении с текстами древнерусской литературы — первоисточниками художественных переложений) и письма. **Предмет** — особенности обращения Волошина к древнерусской тематике, что определило **цель работы** — показать эту тематику как структурированный комплекс и одну из основных тем творчества поэта, а его интерес к Древней Руси — как важный элемент биографии.

Эта цель предполагает выполнение определенных **задач**:

- Проанализировать причины обращения Волошина к Древней Руси и то, как на интерес к прошлому страны влиял круг общения поэта.
- Установить источники сведений Волошина об истории и культуре Руси и показать их использование в его произведениях.
- Объяснить вариативные элементы в тематически связанных с историей и культурой Древней Руси текстах Волошина.
- Структурировать случаи обращения Волошина к Древней Руси, выделив ряд «сюжетов» (например, обращение к образам лидеров старообрядчества).
- Рассмотреть категории святости и мятежа, мотивы огня и цикличности времени в произведениях Волошина, тематически связанных с Древней Русью.
- Вследствие вышеназванных задач в исследовании применяется, помимо биографического подхода, множество **методов** сравнительного характера: от исторического и типологического до мифологического.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В начальную пору творчества Волошин обращался к древнерусской тематике эпизодически. Переломным стал 1913 год, когда инцидент с картиной Репина, изображающей Иоанна Грозного, личное знакомство с В. И. Суриковым, создававшим полотна на сюжеты истории России, и открытие первой масштабной выставки русских икон в Москве пробудили у него глубокий интерес к Древней Руси (в основном второй половины XVI — XVII веков).

2. Большинство текстов Волошина, посвященных истории и культуре Древней Руси, являются поэтическими переложениями (памятников литературы, исторических источников, фактов, почерпнутых из научных трудов) или словесной «перекодировкой» изобразительного искусства.
3. Волошин воспринимает стадиальность написания иконы как метод создания произведения, уместный и в литературе, а Владимирскую икону Богоматери — не только как шедевр искусства, но и как символ непрерывного пути Руси—России, её хранительницу и один из ликов Вечной Женственности (соотнося с ней и положительный христианский образ огня — Неопалимая Купина).
4. Волошин видит в протопопе Аввакуме не только историческую личность, соединившую амбивалентные начала русского народа — святость и бунтарство, но и творческий типаж поэта-пророка, и потому отчасти отождествляет себя с ним. Аввакум как персонаж представляет собой «деятельный» тип святости проповедника и целителя, а его соратник инок Епифаний — «созерцательный» тип святого-отшельника. Синтез этих типов святости для Волошина воплотил живший в России конца XVIII — начала XIX века Серафим Саровский, поэма о котором обусловлена предварительным обращением автора к образам лидеров раскола.
5. Волошин считает революцию и Гражданскую войну повторением Смутного времени и XVII века, так как, по его убеждению, история страны развивается циклично. Как носитель античного дионисийства, переданного ему через Византию, русский народ должен пройти «огонь, воду и медные трубы» путем чередования периодов относительного спокойствия и мятежей. Так Феникс или его славянский вариант — Жар—Птица — сгорают и воскресают из пепла: Русь (прошлое) — Россия (настоящее) — Славия (возможное будущее).
6. Современники поэта предоставляли ему фактическую информацию о Древней Руси (в волошинских литературных образах исторических личностей сказывается также влияние фольклора и мифологии) и оценивали его произведения, что влияло на их ход создания и правку: это можно проследить при сравнении печатных редакций и рукописных вариантов текстов.

Согласно данным положениям и примененной методологии, **научная новизна** работы определяется обращением к комплексно неизученной, но методологически и философски значимой проблеме общих закономерностей переосмысления Волошиным истории, литературы и искусства Древней Руси, и использованием в этом исследовании таких автографических источников, как творческие тетради и пометы писателя на книгах из его библиотеки.

Практическая значимость исследования определяется прежде всего:

- анализом истоков интереса Волошина к Древней Руси и исследованием его творческой «мастерской»;
- тем, что в нем применяется комплексная методология при изучении тематических аспектов творчества автора;
- перспективами дальнейших исследований:
 - аналогичного комплексного рассмотрения творчества других авторов,
 - изучения творческих тетрадей Волошина или его помет на книгах,
 - более подробного разбора мотивов стихий у поэта и его современников,
 - сравнения грамматики и лексики искусствоведческих работ Волошина с языком его стихотворений,
 - более детального анализа творческого типажа поэта-пророка.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в докладах, прочитанных на международных и всероссийских конференциях: XI Международная филологическая конференции 14–19 марта 2011 г. в СПбГУ; третья научная конференция молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках» 4–6 мая 2011 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; XVI Волошинские чтения 23–29 мая 2011 г. в Доме-музее М. Волошина в Коктебеле. По основным результатам научной работы по теме диссертации опубликованы три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

Исследуемый материал, поставленные цели и задачи определили **структуру работы**. Диссертация состоит из основной части, изложенной на 194 страницах и включающей введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение,

список литературы из 202 наименований и архивные источники, а также трех приложений.

Содержание диссертации

Введение обосновывает актуальность рассматриваемой в работе проблемы, доказывает её научную значимость и обозначает основные параметры исследования; также во введении формулируются цели и задачи диссертации.

Первая глава работы называется **«Истоки интереса к Древней Руси: историческая живопись и иконопись»**.

§ 1 «Истоки интереса к Древней Руси: ранние упоминания в поэзии и письмах и 1913 год как переломный момент» излагает причины осознанного интереса Волошина к затрагиваемым в главе сюжетам, начиная с самых ранних — до 1913 г. — обращений к истории и искусству Руси. Этим проявлениям — эпизодическим упоминаниям в поэзии и переписке, среди которых особое место занимает мотив «Девы–Обиды» из «Слова о Полку Игореве», посвящено начало раздела. Далее объясняется, почему 1913 год избран как отправная точка осознанного интереса Волошина к древнерусской тематике. 3 января 1913 г. произошло знакомство Волошина с В. И. Суриковым — историческим живописцем, автором картины «Боярыня Морозова», которая побудила поэта прочесть Житие протопопа Аввакума. 16 января 1913 г. душевнобольной посетитель Третьяковской галереи нанёс картине И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» удары ножом; этот инцидент побудил Волошина к осмыслению психологических причин случившегося. В том же году в честь 300–летия Дома Романовых была устроена выставка русских икон в Москве. Внимание Волошина к наиболее жестоким и страшным сюжетам истории Руси, таким образом, имеет преимущественно визуальные истоки, поначалу выступая как заинтересованность критика.

§ 2 ««Древнерусские сюжеты» исторической живописи современников Волошина И. Е. Репина и В. И. Сурикова в интерпретации поэта-критика. Восприятие Волошиным иконописи и понимание им канона и свободы

художника» посвящен анализу важнейших особенностей интерпретации названных явлений в текстах Волошина. При обращении к творчеству Репина поэт исследует только пострадавшую картину, излагая на этом примере свои представления о допустимых средствах демонстрации жестокости в искусстве. Волошин противопоставляет как два полюса русской культуры творческие подходы Репина (чей натурализм отвергает) и Сурикова (где находит образцы подлинной исторической живописи). В первой главке монографии о Сурикове уже сформулирован ряд идей позднейшей историософии Волошина, например: *«В современности всегда присутствует все, из чего народ слагался исторически»* [СС 3: 367]¹. Поэт также рассматривает основы русской государственности как *«...две основные <...> силы: <...> центростремительная и ... центробежная»* [СС 3: 370]; и в русле символистской концепции Вечной Женственности — эволюцию женских образов Сурикова, рассуждая о стихиях воды и огня (*«...сильная ... огненная мужская стихия <...> должна была быть постоянно оплодотворяема влажной и плодоносной женской стихией, чтобы выносить все, что в ней было заложено»* [СС 3: 439]), двуединство которых обнаруживается в его собственной поэзии. Внимание Волошина привлекали картины Сурикова «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» (анализ роли иконы Богородицы в композиции полотна), «Ермак» (понятие **«постоянных величин»** истории) — движущих её развитие надчеловеческих сил) и «Стенька Разин». Следовательно, значительная часть древнерусских сюжетов Волошина происходит из живописной интерпретации В. И. Суриковым прошлого страны.

Статья **«Чему учат иконы?»** была написана под впечатлением от первой крупной выставки икон, поэтому важен факт её публикации в журнале «Аполлон» (1914, № 5), который печатал и другие отклики на это событие. Волошин толковал икону как визуальное выражение духовных концептов, в том числе особенностей национального мировосприятия; *«канон касался главным образом*

¹ Цитаты из произведений Волошина даются курсивом для удобства их вычленения из текста. Ссылки на Собрание сочинений (Т.1-12. М.: Эллис Лак, 2003 – ; издание продолжается), как на наиболее часто используемый источник, приводятся в квадратных скобках сокращенно: [СС № тома: № страницы].

рисунка и композиции. Они шли от Византии и изменялись ... на протяжении целых поколений. Но <...> в расцветке икон сказывалась вся полнота жизни, весь радостный избыток юного славянства, который мы знаем по цветам вышивок...» [СС 5: 136]. Поэт одним из первых в русской светской критике осознал, что канон не сковывает индивидуальности иконописца, ибо «сочетание традиционных ... форм и живого творческого процесса»² рассматривалось им как общеэстетическая закономерность: «хочется, чтобы художественная работа была так последовательно распределена, чтобы в любой стадии своего развития она давала законченное впечатление»» [СС 5: 137].

Основной вывод главы: причиной осознанного обращения Волошина к Древней Руси было стремление осмыслить впечатления от имеющего отношение к ней изобразительного искусства: исторической живописи и иконописи.

Вторая глава «Обращение к первым старообрядцам и осмысление понятий святости и творческого типажа писателя–пророка» посвящена анализу переложений поэтом житий лидеров раскола, а также вопросу о влиянии этой тематики на понимание Волошиным феномена русской святости.

§ 1 «Поэма «Протопоп Аввакум». Ее главный герой в других текстах Волошина и понятие «типа автора»» освещает историю создания этого произведения и его дальнейшего бытования. Впервые Волошин прочел «Житие» Аввакума в январе 1913 г. в Москве, о чём сообщает в письме к Юлии Оболенской от 1 февраля 1918 г., характеризуя его как «совершенно поразительное и единственное в старорусской литературе произведение по силе и по языку» [СС 12: 74]. В библиотеке Волошина сохранилось московское издание «Жития» 1911 г.³, имеющее владельческие пометы,⁴ при рассматривании которых

² *Столлович Л. Н.* Максимилиан Волошин в контексте русской философии // Материалы международной конференции «Гуманитарные аспекты евроинтеграции» (Духовные и творческие связи славянской и европейской культур). Симферополь: АнтикВА, 2007. С. 68.

³ Житие протопопа Аввакума, написанное им самим. Москва: Изд. И. Я. Гаврилова, 1911. (Библиотека «Старообрядческая мысль» / Под ред. И. В. Галкиной).

⁴ Отмечаются отдельные удачные или, по мнению Волошина, характерные для особенностей стиля «Жития» слова и выражения, к примеру, «литоргисать» (Там же. С. 46).

очевидно: не все привлёкшие внимание фрагменты вошли в поэму, а некоторые отразились в ней в перефразированном виде. Волошин исключил из переложения и некоторые узловые моменты «Жития», так как ставил перед собой задачу передачи основных идей памятника, близких собственным убеждениям. Есть незначительные различия между рукописным и печатным вариантом текста: пунктуация, исключение ряда фраз, иное употребление строчных и прописных букв в итоговой редакции; наиболее существенна различная разбивка на строки рукописи и последующих изданий. Поэма, законченная 19 (6) мая 1918 г. и вышедшая в свет в киевском журнале «Родная Земля» в сентябре того же года, делится «на пятнадцать главок или картин, которые соединяются (сцепляются) одна с другой с помощью ритмического приёма»⁵: последняя строка предыдущей главы — это первая строка последующей (часто не дословно), при этом иногда меняется разбивка на строки. Архитектонически такой прием может быть соотнесен со структурой венка сонетов. Образный ряд огня создает кольцевую композицию поэмы — гл. 1: *«Был же я, как уголь раскаленный, И вдруг погас, И черен стал, И, теплом собственным одевшись, Был извержен В хлябь внешнюю»* [СС 1: 296] и гл. 15, заключительные строки *«Родясь — погас, Да снова разгорелся!»* [СС 1: 317]. К личности и творчеству протопопа Аввакума Волошин обращался не только в поэме–переложении «Жития». Фрагмент «Жития» поэт взял эпиграфом к одному из разделов «Демонов глухонемых»: *«Выпросиль у Бога светлую Россію сатона, да очервленить ю кровию мученическою»* [Житие, 1911: 41]. В предисловии к этой поэме главенствует тема предназначения народа, в частности, русского, и отмечена уникальность XVII века, *«на котором лежит последний золотой луч отмирающей Старой Руси»* [СС 6, кн. 2: 365]. Аввакум упомянут в других стихотворных произведениях Волошина — в поэме «Россия» (1924) и «Сказании об иноке Епифании» (1929). Образ протопопа занимает значительное место в плане литературно–жизненного самоопределения

⁵ *Albert Marie-Aude. Maximilian Volochine. Esthète, poète et peintre (1877-1932). Des ateliers de Montparnasse aux rivages de Cimmérie. Paris: L'Harmattan, 2002. P. 315.*

Волошина;⁶ если использовать классификацию типов автора, предложенную С. Н. Руссовой⁷, у Волошина доминирующим типом оказывается «пророк», с библейскими представителями которого роднится и Аввакум, а именно на него, сознательно выстраивая свой творческий облик, прежде всего ориентируется Волошин. Всеволод Рождественский также сравнивает его с другим поэтом-ритором, воплотившем «пророческий» склад творчества, — Виктором Гюго⁸. Таким образом, Волошин встраивается в единую в русской и всемирной литературах линию типа автора-пророка, придающего слову священное значение.

§ 2 «Сказание об иноке Епифании». Влияние интереса к старообрядчеству на понимание поэтом категории святости. Поэма «Святой Серафим»» рассматривает эту поэму, законченную 16 февраля 1929 г. как «pendant к Аввакуму»⁹, и показывает, как внимание к идеологическим противоборствам поздней Древней Руси могло повлиять на понимание Волошиным сущности святости. В «Сказании об иноке Епифании» понятие греха выражено исключительно словами мужского рода: Никон, Арсен-жидовин, огонь, бес, мравии, поедающие «тайны уды», Антихрист, никонианцы, «*Стрелецкий голова — Бухвостов — лют разбойник*» и «*Елагин — полуголова стрелецкой*» [СС 2: 95]. При этом ими может быть выражено и понятие святости: *преподобным Зосиме и Савватию* [СС 2: 93]; *Свет-Христос* [СС 2: 92], *Отец Илья, игумен Соловецкий* [СС 2: 94], которое едва ли не чаще описывается словами женского рода, преимущественно подчеркивающими духовную природу власти Богоматери, к примеру: «*Небесная Царица, помоги мне*» [СС 2: 92] и «*Спаси,*

⁶ В анкете М. М. Шкапской, заполнявшейся гостями «Дома Поэта» — и самим хозяином в 1924 г., на вопрос «Любимый писатель» Волошин ответил: «Протопоп Аввакум» [СС 7, кн. 2: 298], во втором варианте анкеты — «Аввакум» [СС 7, кн. 2: 299].

⁷ Ею «рассматривается динамика процесса секуляризации творчества от автора-«пророка» до автора-«художника», «ремесленника», «изгоя», «трикстера» и «частного человека»» (Руссова С. Н. Автор и лирический текст. М.: Знак, 2005. С. 28).

⁸ «...проводил он одинокие часы за чтением исторических сочинений, писал стихи, достойные быть продолжением «Легенды веков» (Рождественский Вс. А. Страницы жизни. М.: Современник, 1974. С. 358).

⁹ Письмо к Е. Герцык от 17 февраля 1929 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 27).

Владычица, от бесьей сей напасти» [СС 2: 94]. Так для Волошина оказывается важна категория грамматического рода, а культ Богородицы как Вечной Женственности проявляется и на лексическом уровне. В разделе рассматриваются различия образов Аввакума и Епифания как воплощений «деятельной» (проповеднической) и «созерцательной» святости через сравнения жизненных миссий героев (у Аввакума — проповедь, у Епифания — молиться Богоматери: «... пою Скорозаступнице, язык мне давшей новой» [СС 2: 97]), мотивов чудесного языка и огня, а также видений персонажей (у Епифания они более традиционны (черти и Богородица), у Аввакума ярче и разнообразнее (например, эпизод с кораблями)). Различием типов святости героев может быть объяснен более строгий и направленный на раскрытие внутреннего мира персонажа отбор эпизодов для второй поэмы: «Сказание об иноке Епифании» в 3 раза меньше «Протопопа Аввакума» по количеству строк и в 5 раз — по количеству главок, которые не сплетаются переключкой последних-первых строк.¹⁰

Другими произведениями Волошина на тему святости являются: при обращении к новому времени — поэма о Серафиме Саровском, а к культуре Запада — стихотворение о святом Франциске (первоначально включенное в поэму о Серафиме), объединенные также вниманием к миру природы. В этих текстах выстраивается «цепь схождения духа в материю»: Бог и ангелы — человек — животное (тварь), но и последние стремятся к небесным началам: «*Не рабом, а братом человеку Создан зверь. <...> И звери Веруют и жаждут воскресенья...*» [СС 2: 109]. Во всех трех поэмах — «Протопопе Аввакуме», «Епифании» и «Святом Серафиме» есть эпизод с огненным вознесением праведника, однако лишь последний текст заканчивается значительным по объему повествованием о посмертном чуде. Возможно, такой прием используется Волошиным не только потому, что Серафим не был раскольников, но и из-за

¹⁰ Во второй поэме, однако, есть намёк на кольцевую композицию, акцентирующую мотив регенерации, свойственный Епифанию: «*Родился я в деревне. Как скончались Отец и мать*» [СС 2: 91] и *Тела и ризы прочих не сгорели, А Епифания останков не нашли* [СС 2: 97] — амбивалентное сочетание рождения-смерти и отсутствия смерти и нового рождения.

отнесенности героя одновременно и к действенному, и к созерцательному типу святости: он единственный из трех избранных героев называется святым.

Третья глава «Русь и Россия: неизменная неразрывность святости и мятежа» делится на три параграфа, определяющих три тематических аспекта при обращении Волошина к Древней Руси.

§ 1 «Тема XVII века и предшествующих ему столетий в частном общении Волошина. Контакты с историком С. Ф. Платоновым» посвящён общению поэта с ученым, личное знакомство с которым состоялось 29 апреля 1924 года в Рукописном отделе Пушкинского Дома¹¹, а последовавшая переписка продолжалась с перерывами около 5 лет. Одной из тем общения являлись икона Владимирской Богоматери и посвященное ей стихотворение Волошина; кроме того, поэт отослал историку и машинопись «Сказания об иноке Епифании» с просьбой указать на неточности в тексте. Среди тем переписки — переговоры о передаче архива поэта в Пушкинский Дом и предоставлении Волошиным ряда материалов для проводимой там выставки, а также обсуждение Смутного времени и Лжедмитрия — предметов исследования историка.

§ 2 «Историческая поэзия и публицистика Волошина в революционные и послереволюционные годы» представляет собой анализ редакций и источников стихотворений сборника «Неопалимая Купина», а также публицистики Волошина тех лет. Документально подтверждаемое творческой тетрадью начало работ над стихотворениями из «Неопалимой Купины» относится к концу 1917 г. При этом поэт проводил параллели с революцией французской: одновременно с первыми стихотворениями раздела «Пути России» он заканчивает предшествующий ему «Пламена Парижа». Из 23 текстов «Путей России» только 5 можно отнести непосредственно к современности, остальные 18 или посвящены узловым событиям русской либо всемирной истории, или затрагивают сферу вневременных философских понятий. Однако стихи Волошина на исторические

¹¹ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007. С. 222.

темы, проецированные на современность, воспринимались читателями и слушателями как злободневные проявления.

Первое стихотворение Волошина, полностью посвященное древнерусской тематике,— «Святая Русь» (19 ноября 1917 г.), которое автор ставил в параллель со стихотворением «Мир» как обращения соответственно к Руси и к России — к национальной духовной субстанции и к государственному началу. В «Святой Руси» упоминаются персонажи древнерусской истории: Иван Калита (*Суздаль да Москва не для тебя ли По уделам землю собирали Да тугую золотом суму? <...>*[СС 1: 257]; Калита значит «сума») и Стенька Разин с Дмитрием Самозванцем (*Самозванцы, воры да расстриги...*[СС 1: 257]).

Месяц спустя Волошин написал о последнем стихотворение «Dmetrius-Imperator (1591–1613)», чей подзаголовок прокомментировал как «1591 — убийство Дмитрия в Угличе; 1613 — казнь сына Дмитрия в Москве» [СС 1: 531]: эти же годы выделяет С. Ф. Платонов как исторические границы Смуты. Данный текст, вобравший в себя в сжатом виде мотивы и литературных произведений, и народных песен, является на момент его создания итоговым в русской словесности сочинением, воплощающим образ Дмитрия Самозванца во всей его полноте. Фольклорные мотивы «Dmetrius-Imperator» претворяют пушкинскую тему власти как зла и соблазна в тему власти, данной не от Бога, а от дьявола. В письме к А. М. Петровой сам поэт толкует образ Лжедмитрия так: «Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов (“имя ему — легион”）」 [СС 12: 46-47]. Лжедмитрий Волошина — фантастическое человекоподобное создание, способное к бесконечной регенерации, и одновременно единый негативный эпический архетип русской истории: «Четверть века — мертвый, неизбывный Правил я лихой годиной бед. И опять приду — чрез триста лет» [СС 1: 275]. Многие детали произведения заимствованы поэтом из исторических источников, например, в строках: «Бабы продавали С человеческим мясом пироги» [СС 1: 274] он описывает обстоятельства голода 1601–1603 гг., перелагая стихами довольно близко к исходному тексту

фрагмент из С. М. Соловьева¹². Образ Лжедмитрия, но лишь в одной из ипостасей — правителя–расстриги, разбойника–самозванца или убиенного младенца — встречается в четырех из двадцати трех стихотворений «Путей России», причем расположенных внутри раздела подряд — «Написание о царях Московских», «Dmetrius-Imperator», «Стенькин суд» (с *Гришкой Отрепьевым*) и «Китеж» (*зарезанный младенец*).

25 декабря 1917 г. Волошин послал А. М. Петровой «Стенькин суд», осмысляя стихотворение как выражение идеи, что *«самозванство, разбойничество... основные элементы всякой русской смуты»* [СС 10: 767]. А. М. Петрова не одобрила текст, и завязалась переписка–спор, итогом чего стало утверждение поэта: *«в Стеньке больше бесовщины, чем демонизма. <...> Его другое лицо — это вовсе не Пугачев, а Ермак, который пошел, будучи тем же Стенькой... по пути положительному (т.е. на восток, а не на юг)»* [СС 10: 47]. При этом Пугачёв и Ермак для Волошина — герои второстепенные, которым не посвящено отдельного стихотворения: они — повторение того, что со всей определённойностью было явлено ранее, а общая черта Стеньки и Лжедмитрия — постоянное воскрешение — отмечена также в стихотворении «Китеж»: *«Повоскресали из гробов Мазены, Разины и Пугачевы — Страшилища иных веков»* [СС 1: 281].

«Написание о царях московских» (23 августа 1919) — поэтическое переложение последней главы «Повести книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы» приближенного царя Михаила Федоровича князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. Введение Волошиным в образный ряд первоисточника нового персонажа — родоначальника династии Романовых патриарха Филарета — помогает композиционно выстроить «линию царей»: Иван — Федор — Борис — Федор (сын царей, но фактически не царь — правление было весьма коротким) — Расстрига — Василий — Федор–Филарет (родоначальник царей). Как правило, описания правителей содержат, помимо внешнего вида,

¹² Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. 4: История России с древнейших времен: Т. 7-8. М.: Мысль, 1989. С. 399-400.

отношение каждого из них к «царским добродетелям» — к книжности; к воинской деятельности и к воинам; к справедливости, или мере благочестия (моральные качества). При этом Федор Иванович и Борис лишены характеристики отношения к книгам, а о Филарете сообщается, что он «*Божественное писание разумел отчасти*» [СС 1: 272], что служит тревожным знаком для будущей династии, так как после «некнижных» правителей государственность распадается. Однако наиболее «книжные» правители — Иван и Василий — наиболее жестоки к подданным: «книжность» оказывается амбивалентной характеристикой.

Некая галерея портретов («*Аристотелем Фиоравенти На Москва-реке строенный храм. И московские Иоанны<...>*» [СС 1: 283]) есть и в «Диком Поле» (20 июня 1920 г.) — одном из немногих стихотворений, затрагивающих раннее русское средневековье. Здесь, где также выражена мысль о цикличности истории: «*Всё, что было, повторится ныне...*» [СС 1: 284], рассматривается генезис казачества как амбивалентного сословия, наиболее выпукло отражающего противоречия русского духа: «*Голытьбу с тесноты да с неволи Потянуло на Дикое Поле <...>Разверзаются снова пучины Неизжитых тобою страстей, И старинное пламя усобиц Лижет ризы твоих Богородиц...*» [СС 1: 283-284]. Полностью посвященные Древней Руси стихотворения Волошина можно разделить на две категории: «картины» (описательные, но включающие в себя также общие рассуждения) и «монологи» (повествование от имени реальной исторической личности: «Dmetrius–Imperator» и «Стенькин суд»); промежуточной формой, не содержащей личностных монологов, но заключающей в себе портретные черты, является «Написание о царях московских».

В стихотворении «Европа» (20 мая 1918 г.) краткая вторая часть повествует о том, как после завоевания Константинополя исламскими правителями Европа «*...понесла во чреве Русь — третий Рим — слепой и страстный плод: Да зачатое в пламени и в гневе Собой восток и запад сопряжёт!*» [СС 1: 267]. Дионисийское начало, как считал Волошин, еще со времен московской Руси определяет историю

и культуру России наряду с православием, причём их смешение в ходе своего рода алхимического преобразования и определяет необычность и своеобразие Руси.

Мотивы истории Руси присутствуют у Волошина и в стихотворениях из «Неопалимой Купины», непосредственно не посвященных ей. Раздел «Усобица» открывается одним из самых знаменитых произведений Волошина — «Гражданская война» (21 ноября 1919 г.; название раздела — синоним-архаизм названия этого текста), согласно которому наиболее укоренены в древней истории крестьяне и рабочие — основная масса «красных»: *«В одних доселе не потух Хмель незапамятных пожаров, И жив степной, разгульный дух И Разиных, и Кудеяров»* [СС 1: 329].

Стихотворение «Северовосток» (31 июля 1920 г.) интересно тем, что стихия истории в нем проявлена не как огонь или вода, как чаще всего у Волошина, а как воздушное начало — ветер: *«В этом ветре вся судьба России — Страшная безумная судьба»* [СС 1: 335]. Одним из претекстов стихотворения, в котором негативное начало связано с севером и холодом, а не с огнём, может являться и «Божественная Комедия» Данте, где самая глубина ада представляет собой ледяную пустыню, в которую вмерз Люцифер.

Тема родства Руси и огня ярко выражена в стихотворении «Китеж», начинающемся с утверждения пламенной природы Руси, находящей выражение также в отдельных личностях: *«Вся Русь — костёр. <> И каждый факел — человек»*. [СС 1: 279] Однако в конце второй и в третьей частях «Китежа» утверждается иное неизменное начало России: земля мучений может быть *«землёй, взыскующей любви»* [СС 1: 281], потому что в глубине каждого таится Китеж — воображаемый город, представляющий идеал Святой Руси: *«наш неосуществимый сон»* [СС 1: 281].

Тема предназначения Руси развивается и в стихотворении «Благословение» (23 февраля 1923 г.), написанном словно от лица библейского пророка (а, возможно, и Бога — временами лирическое «я» стихотворения пишется с заглавной буквы, но и в окончательной редакции — непоследовательно): *Благословенье Моё, как гром! Любовь безжалостна и жжёт огнём* [СС 1: 291]

<...> Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет. <...> А из тебя, сожжѣнный Мной народ, Я ныне новый выплавляю род!» [СС 1: 292]. В список «благословений» включены, помимо внешних врагов и тирании властей, и раскольничьи секты, а в сроках мучений указан «одинадцатый век» так как двадцатый век от Рождества Христова — одинадцатый от начала русской государственности. Весь текст — своего рода глосса на известное выражение «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3:19), имеющее продолжение: «Итак будь ревностен и покайся», которое можно воспринимать, как скрытое напутствие страстности ради награды в будущем: Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет. В едином горне за единый раз Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз, А из тебя, сожженый Мной народ, Я ныне новый выплавляю род! [СС 1: 292]

Далее рассматриваются взаимосвязи поэзии и публицистики Волошина и выделяются основные мотивы его творчества, посвященного Древней Руси. «Россия распятая» — «реальный комментарий» поэта к стихотворениям: включая их в себя, он становится подобной «Новой Жизни» Данте прозапоэтической формой, которая позволяет апеллировать одновременно и к чувству, и к разуму читателя/слушателя. Название произведения отсылает к крестным мукам Христа, которым Волошин уподобляет историческую миссию России: страна принимает на себя страдания братоубийственных войн, чтобы воскреснуть в духовной ипостаси. Волошин начал работу над этой лекцией в октябре 1918 г. и уже в декабре того же года читал её в Симферополе и Севастополе, но правил текст вплоть до мая 1920 г. Излагая в «России распятой» свои политические и историософские воззрения, Волошин подтверждает их стихотворениями из сборника «Неопалимая Купина», в основном из раздела «Пути России» (попутно истолковывая тексты) — «Москва», «Святая Русь», «Стенькин Суд», «Dmetrius Imperator», собственно «Неопалимая Купина», «Китеж», «Заклятье о Русской земле». Статья разделена поэтом на предисловие и две части, граница между

которыми — стихотворение «Преосуществление», подспудно намекающее на чудесные мотивы в жизни Христа¹³.

Для Волошина высшей ценностью осознавались свобода духа и власть духовная, о чем он заявлял в статье «Вся власть Патриарху», напечатанной в симферопольской газете «Таврический голос» 22 декабря 1918 г. Одним из поводов к созданию этого текста послужило восстановление патриаршества, произошедшее примерно за год до написания статьи. В ней Волошин предлагает искать ответ на то, *«какова же все-таки должна быть истинная представительствующая власть воскресающей России»* [СС 6, кн. 2: 23] и предлагает вместо расхожего лозунга: «Вся власть – Советам!» формулу «Вся власть патриарху», поскольку *«патриарх в настоящее время — естественный глава России»* [СС 6, кн. 2: 24].

Учёные осмыслили историософию Волошина по-разному. Л. Н. Столович находил в них и в «России распятой» отзвуки славянофильства и «славянофильской утопии»¹⁴. Е. Г. Эткинд, считая, что поэзия Волошина двадцатых годов – это «поэзия исторической ответственности и нравственного выбора»¹⁵, полагал, что «историософия Волошина, являющаяся поэтическим вариантом теории исторического круговорота, опирается, видимо, на учение Джамбаттиста Вико (1768-1744) <...> Волошин <...> историю <...> понимал метафизически»¹⁶. Поэт мог узнать об идеях итальянского мыслителя из книги С. Ф. Платонова «Полный курс лекций по русской истории».¹⁷ Взгляды Волошина

¹³ Хотя причиной написания строк о конце римской империи и возрождении местной государственности при папской власти послужило избрание патриарха.

¹⁴ *Столович Л. Н.* Максимилиан Волошин в контексте русской философии // Материалы международной конференции «Гуманитарные аспекты евроинтеграции» (Духовные и творческие связи славянской и европейской культур). Симферополь: АнтикВА, 2007. С. 76.

¹⁵ *Эткинд Е. Г.* Поэзия истории. Максимилиан Волошин // *Эткинд Е. Г.* Там, внутри. О русской поэзии XX века. СПб: Максима, 1995. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ «Итальянец Вико (1688-1744) задачей истории, как науки, считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам» (*Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 1997. С. 6).

можно в конечном итоге определить как исторический оптимизм: тяжесть и трагичность событий прошлого и связанного с ним настоящего ведет к все большему единству — от образования государственности через подобие ее разрушения — к новым общественно-политическим формированиям.

§ 3 «Поэма «Россия». «Владимирская Богоматерь». Мотив «огня времен»» открывается анализом историософской поэмы Волошина «Россия», созданной после оформления основного корпуса его поэзии и публицистики, устанавливающего связь поздней Древней Руси и современности. Ее героем является не только Русь-Россия, но и *«дух Истории — безликий и глухой, Что действует помимо нашей воли»* [СС 1: 377] — однако концепция Шопенгауэра о слепой воле как двигателе всех явлений бытия, обоснованная в философском труде «Мир как воля и представление», не переносится механически на всё мировосприятие поэта: заимствуется мысль о «надличности» «двигателя» исторического процесса, чьи конкретные характеристики ставятся в зависимость от нации. Кроме того, на Волошина могла оказать влияние и концепция времени у Блаженного Августина, где любое время — настоящее: *«Грядущее — извечный сон корней: Во время революций водоверти Со дна времён взмывают старый ил И новизны рыгают стариною»* [СС 1: 377].

Далее в главе рассматривается итоговый гимн женскому началу бытия — стихотворение «Владимирская Богоматерь». Текст содержит множество косвенных отсылок к различным воплощениям Вечной Женственности (Исида, Дева Мария, фольклорная Василиса Прекрасная-Премудрая, известное соотношение Девы Марии и путеводной звезды, гностическая и соловьевская София) и предвещает ему новый расцвет именно на русской земле. Образ Девы Марии, позволяет считать православную культуру Древней Руси частью обширного поля не знающей временных и пространственных границ символики, общую сущность которой можно определить как царственную Премудрость — хранительницу тех, кто воспринимает ее святость и красоту.

Наконец в главе осмысляется «один из ключевых мотивов лирики М. А. Волошина — мотив огня»¹⁸, который встречается не только в «древнерусских» текстах, но и в поэме «Путями Каина», где ему посвящена отдельная глава [СС 2: 10-12], идущая вслед за главой «Мятеж», открывающей поэму [СС 2: 7-9]. Поэтому Е. С. Янова правомерно связывает мотивы огня и мятежа у Волошина, находя их истоки в фигуре Прометея.¹⁹ Таким образом, «...обращение к мифопоэтической структуре текстов М. Волошина позволяет выявить подспудный источник их драматизма и жизнеутверждающего пафоса — миф ... о цикличности жизни, о возрождении, преодолевающим смерть»²⁰. Констатация «жизнеутверждающего пафоса» является определяющей чертой историософии поэта, которая включает несколько основных положений, выводимых из анализа его стихотворений и статей:

1. Цикличность, фазовость как русской, так и мировой истории;
2. В русской истории есть две противоборствующие силы: центристремительная, государственная, — и центробежная, бунтарско—дионисийская;
3. Русь метафорически в аспекте своей истории может быть представлена как самовозрождающаяся птица Феникс, чей библейский аналог — Неопалимая Купина (соотносимый и с евангельским образом Богородицы) — положительно—огненное начало, мифопоэтически связанное с Вечной Женственностью.

Все эти положения свидетельствуют о том, что, используя такие исторические источники, как труды П. О. Пирлинга, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова и С. Ф. Платонова, Волошин, излагая полученные сведения иногда дословно, осмыслял и интерпретировал достоверную научную информацию под влиянием поэтики символизма.

Заключение обобщает основные выводы глав и подводит итоги исследования, выдвигая перспективы дальнейшего изучения темы.

¹⁸ Янова Е. С. Огненный мир Максимилиана Волошина. С. 90.

¹⁹ «Волошин опирается на гераклитово понятие огня как «деятеля превращений» (Там же. С 91).

²⁰ Там же. С. 92-93.

Приложения представляют собой соответственно: список текстов Волошина, связанных с обращением к Древней Руси; список изданий по теме истории Руси из библиотеки Дома–музея поэта с обозначением выходных данных в соответствии с печатным оформлением титульных листов книг рубежа XIX–XX вв. и разделением на книги с пометами и без помет; таблицу помет на издании «Жития протопопа Аввакума», использованном для создания поэмы о нем.

Основные положения диссертации отражены в **публикациях** автора в **изданиях, рекомендованных ВАК РФ:**

1. Зиневич А. Н. Протопоп Аввакум в интерпретации М. А. Волошина // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 59–64.
2. Максимилиан Волошин и исследователь Древней Руси С. Ф. Платонов. Материалы к истории взаимоотношений / Публ. А. Н. Зиневич // Русская литература. 2013. № 1. С. 179–191.
3. Зиневич А. Н. Об истоках интереса Максимилиана Волошина к истории и культуре Древней Руси // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 11–15.